

ИПОСТАСИ ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ: СОЗДАТЕЛЬ—УЧЕНЫЙ— ПОЛЕМИСТ...

К 85 летию М.Н. Руткевича

Фан Ирина Борисовна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Сказать, что имя М.Н. Руткевича известно российской естественнонаучной и гуманитарной интеллигенции нескольких поколений и мировой философской элите — это значит сказать ничтожно мало. Его жизнь, начавшаяся 2 октября 1917 года, накануне Октябрьской революции, вместила в себя почти весь XX век. Этапы его биографии — это этапы развития советской философии и социологии, причем одно неотделимо от другого, поскольку М.Н. Руткевич часто выступал в качестве творца не только собственной судьбы, но и формирования целых социальных институтов, а значит, и судеб тысяч людей. Дипломы философского факультета УрГУ, основанного М.Н. Руткевичем в 1965 г., за 37 лет существования факультета получило более 2500 человек! Создание Уральской философской и социологической школ (последней — задолго до организации Института конкретных социальных исследований АН СССР, преобразованного затем в Институт социологических исследований), учреждение журнала «Социологические исследования» (1974 г.) — каждого из этих дел было бы достаточно для одного человека. Но это далеко не все! С 1972 по 1976 гг. М.Н. был директором Института социологических исследований АН СССР. М.Н. Руткевич — доктор философских наук, с 1970 г. — член-корреспондент АН СССР, ныне РАН, с 1971 г. — вице-президент Философского общества СССР-РФ, член редколлегии журналов «Философские науки» (1956-1972 гг.) и «Социологические исследования» (с 1976 г.), советник Института социально-политических исследований РАН (с 1991 г.). Избирался председателем Советской социологической ассоциации (1972-1976

гг.), членом исполкома Всемирной социологической ассоциации (1974-1978 гг.). Он — автор 18 монографий и учебников и более 400 статей в коллективных трудах, в отечественных и зарубежных изданиях; участник всемирных философских и социологических конгрессов (Мексика, Вена, Варна, Торонто). Под его руководством подготовлено более 100 кандидатских диссертаций, 25 из которых — в Уральском университете, 17 их авторов стали докторами наук. Награжден 15 орденами и медалями, в том числе орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени. За всем этим — всего один человек, одна многогранная личность!

Приступая к работе над данным материалом, мы не ставили перед собой задачу фундаментального описания истории Уральской философской школы. Это основательно и глубоко сделано до нас авторами сборника «Уральская философская школа: становление и развитие. 1966-1996. Екатеринбург, 1996., одним из авторов которого был и М.Н. Руткевич, самим М.Н. Руткевичем в статье в журнале «Урал» (1997. □ 8-12), а также К.Н. Любутиным в статье «Философский факультет УрГУ и Уральская философская школа» в сборнике «Современная философия в поисках сущностей и смыслов: Материалы научно-практической конференции (25–27 октября 2001 г.). Екатеринбург, 2001.

Не было перед нами и задачи изложить полную биографию М.Н. Руткевича. Его биография представлена в целом ряде изданий: Философы России XIX-XX столетия. Биографии, идеи, труды. М., 1993.; Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000; Уральская энциклопедия; Новая элита. Кто есть кто в РАН. М., 1993.

Нашей целью был некий эскиз образа целостной личности М.Н. Руткевича. Поэтому сначала мы помещаем ответы М.Н. Руткевича на заочное интервью редколлегии нашего альманаха. Надеемся, что приведенные здесь же воспоминания и живые впечатления о совместной работе с Учителем и Создателем факультета его бывших аспирантов, а впоследствии коллег и продолжателей его дела позволят достичь этой цели.

Выражаем искреннюю благодарность Михаилу Николаевичу и его ученикам за отклик и содействие в подготовке данного материала.

Член-корреспондент РАН М.Н. Руткевич:

Присланная мне анкета ориентирует либо на исповедь, а я к ней еще не готов, несмотря на весьма почтенный возраст, либо на литературное произведение входящего в популярность жанра: история семьи как срез истории определенного социального слоя за столетие. Будучи «потомком» в третьем поколении (дед, отец и я заканчивали Киевский университет) той части старой русской интеллигенции, которая в первые десятилетия советской власти страшно обнищала и подвергалась репрессиям, я бы, при наличии времени, мог бы взяться за выполнение этого заманчивого замысла. Но у меня на это нет ни времени, ни соответствующего таланта, ни семейного архива — все документы, письма и т.д. сгорели в Киеве во время войны. Поэтому я ограничусь здесь лишь теми биографическими сведениями, без которых трудно будет понять мои размышления об «Уральской философско-социологической школе» и роли Руткевича в ее появлении. Впрочем, эта тема однажды уже была освещена в печати — по любезному приглашению В.П. Лукьянина, тогда главного редактора журнала «Урал» (см. □ 8-12, 1997). Поэтому из многих поставленных в вопроснике редакции «Дискурса» биографических вопросов отвечу только на два:

1) Почему убежденный в неповторимой красоте родного города киевлянин оказался на Урале и считает Свердловск (Екатеринбург) своей второй родиной?

2) Почему, имея на руках диплом с отличием физического факультета КГУ, более того, будучи в 21 год автором статьи в ЖЭТФ (□10, 1939 г.) — тогда самым авторитетным физическом журнале СССР (замечу в скобках, что я увидел этот номер журнала уже не в Киеве, а в солдатской казарме), я оказался в итоге философом и теоретиком-социологом?

Ответить на первый вопрос легко. В Свердловске я оказался после шестилетнего пребывания в армии, после госпиталя, получив отпуск, потому что с 1934 года в этом городе жил и работал в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории пединститута самый близкий мне человек — отец, Руткевич Николай Паулинович. И не только. В мае 1945 года именно в Свердловске произошли два самых

радостных события в моей жизни — я встретил День Победы и вскоре после него познакомился с моей будущей женой — Ириной Ивановной Павловой, с которой постарался в самый короткий срок вступить в брак. Отец, проживший войну в голоде, холоде и тяжелых жилищных условиях, к этому времени тяжело болел (он безвременно скончался в 1949 г. в возрасте 55 лет), а молодая жена после пребывания на фронте в составе Уральского добровольческого танкового корпуса восстанавливала свой статус студентки университета и к тому же ждала ребенка. Таковы два человека и одновременно два житейских обстоятельства, которые определили решение не возвращаться в Киев, где ни родных, ни жилья после войны у меня не осталось.

Ответ на второй вопрос окажется несколько более пространным. Мои научные симпатии с детства испытывали известное раздвоение или, говоря современным языком, мои детские и юношеские интересы «складывались неоднозначно». С одной стороны, мой дед по материнской линии (ставший с 17 года «лишенцем», т.е. человеком, лишенным, по сути, основных гражданских прав) вскоре ослеп, и в мою обязанность входило регулярно сопровождать его на прогулках от нашего дома, расположенного против Андреевской церкви (той самой, построенной Растрелли, в которой мне присвоили имя Михаила), до Владимирской горки и обратно. Дед был шахматистом высшего класса, участвовал в турнирах, я видел его фотографию вдвоем с Чигориним; будучи слепым, он играл на десяти досках и выигрывал. Именно он научил меня к 4-5-и годам возводить в квадрат четырехзначные числа и многому другому, прежде всего, любви к математике.

С другой стороны, отец и дядя были гуманитариями, оба закончили историко-филологический факультет Киевского университета и к тому же параллельно консерваторию (отец по вокальному отделению, дядя по фортепианному). Дом был полон книг по истории, географии, экономике и тьмой художественной литературы. Портрет Блока висел на самом почетном месте, а засыпал я под музыку Шопена и Шумана, а также марша Прокофьева из оперы «Любовь к трем апельсинам» и 2-го этюда Скрябина.

По сей день это самые любимые фортепианные произведения. Кроме того, в Киеве, в так называемом Купеческом саду, летом чуть ли не ежедневно играл симфонический оркестр и грех было не сбегать туда, чтобы бесплатно послушать классическую музыку. Такова была общая атмосфера дома.

Но главная роль в моем воспитании принадлежала отцу. После того, как они с матерью вернулись из украинской «глубинки», куда отправились учительствовать в 1918 году, чтобы выжить в голодные годы (отец преподавал историю, мать — русский язык и литературу), мы с отцом с 1927 по 1929 годы совершали многокилометровые прогулки по Киеву и окрестностям. Отец досконально знал историю каждой церкви и монастыря, чуть ли не каждого камня, который был связан с тысячелетней историей Руси. Вскоре они с матерью разошлись, отец уехал сперва в Нежин, а в 1932 году в Краснодарский пединститут, где читал курс новой истории; и очень разумно сделал, что уехал, все его друзья были арестованы год спустя по фальшивому обвинению в «украинском буржуазном национализме, связи с разведками западных стран» и т.д. К этому времени я закончил в Киеве обучение в «семилетке» и уехал к отцу. Прогулки

возобновились, но теперь история соединилась с политэкономией и философией, притом в системе: я получал указания, что прочитать к такому-то сроку. Кстати сказать, статью отца по критике австрийской школы политэкономии я недавно перечитал не без пользы, поскольку идея «предельной полезности» предлагаемого на рынке товара в век зомбирования населения телевизионной рекламой, навязывающей потребителю покупку определенных предметов и услуг, обрела «второе дыхание». Особо сильное впечатление произвела на меня тогда работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах». Можно считать, что к 16 годам я стал приверженцем марксистской теории и социалистического переустройства общества.

Сосуществование математического и гуманитарного начал в моей душе закончилось при выборе факультета в пользу первого в известной мере случайно, под влиянием друзей, с той разницей, что в отличие о них мне после окончания 9 класса не было полных 17 лет, равно как и аттестата о среднем образовании. Мне памятен решающий визит к тогдашнему ректору Киевского университета Русько: «Я не маю права тебе прийняти, але коли ти одержиш усі екзамени на відмінно, — приходи знова». Я выполнил условие и стал студентом.

После войны физику я основательно подзабыл, работа в оптической лаборатории на военном заводе после демобилизации удовольствия не доставляла в силу своей рутинности. Я стал сдавать заочные экзамены за истфак (за год сдал половину) и одновременно выступать с лекциями о причинах Победы СССР в Отечественной войне — это я знал не только из литературы, три года на фронте не прошли даром. Кстати, именно на фронте я полностью убедился в том, что несмотря на все издержки, включая массовый террор, политика партии и Сталина, сумевших подготовить страну к обороне от более сильного агрессора и выиграть ценой невероятных жертв войну, была в основе правильной. Поэтому предложение Д.И. Чеснокова, тогда секретаря Горкома КПСС, перейти на работу в лекторскую группу Горкома партии и одновременно поступить к нему в заочную аспирантуру по философии мною было принято. К сожалению, Д.И. Чесноков после весьма резкого выступления на философской дискуссии 1947 г. был затребован в Москву, и я продолжал осваивать теорию познания самостоятельно: она меня более всего интересовала в связи с естествознанием. К лету 1949 г. диссертация была в основном готова, и меня рекомендовали в Академию общественных наук при ЦК КПСС сроком на 9 месяцев для ее завершения. Через год диссертация под названием: «Практика — основа познания и критерий истины» была завершена и успешно защищена, а вскоре издана в Москве в издательстве «Мысль» и переведена на пять языков. Я вернулся «на коне» в ставший родным Свердловск и определился в пединститут преподавать философию, как бы заместив в списках личного состава этого учебного заведения ушедшего из жизни отца.

В 1952 г. в институте моими усилиями была организована кафедра философии, приняты аспиранты (первым из них защитился Г.М. Коростелев, заведовавший затем кафедрой философии пединститута до конца своих дней). Жизнь, казалось, приобрела некоторую устойчивость, но, как оказалось, ненадолго. В 1953 г. из Свердловска смог уехать обратно в Москву М.Т. Иовчук, «сосланный» на Урал Маленковым в 1949 г. за то, что дал свою подпись под nekрологом погибшего в Минске

Михоэлса; будучи секретарем ЦК КПБ, он не знал подлинных причин этого трагического события. Меня вызвали в Обком партии и предложили занять кафедру в Уральском университете, где по совместительству я преподавал с 1951 года. Так начался длинный (19 лет) и самый плодотворный период моей жизни, связанный целиком с Уральским университетом.

О роли Д.И. Чеснокова и М.Т. Иовчука как подлинных основателей в Свердловске заметной во всесоюзном масштабе философской школы я писал неоднократно, в том числе в упомянутой выше статье в журнале «Урал». Оба они были специалистами по истории отечественной философии (их книги о Герцене и Белинском, равно как монография В.С. Кружкова по Добролюбову и ряд других) были хорошо написаны и сыграли в то время весьма положительную роль, поскольку способствовали пробуждению интереса к истории русской общественной мысли, воспитанию русского патриотизма. Не обошлось, как всегда, без некоторых перехлестов в оценке этих мыслителей, а также попыток раздвинуть рамки русской философии XIX века; ввиду исчерпания списка хорошо известных имен М.Т. Иовчук загружал своих аспирантов темами о философских воззрениях Салтыкова-Щедрина и Мамина-Сибиряка...

Мою деятельность в УрГУ можно разделить на два периода: на общеуниверситетской кафедре философии и на философском факультете.

ПЕРИОД «СОБИРАНИЦ СИЛ»

Работа на кафедре была периодом «собираения сил»: повышения собственной квалификации, создания весьма крепкого по составу коллектива преподавателей, которые составили в последующем костяк преподавателей философского факультета, подготовки большого числа аспирантов. Содействовало росту авторитета кафедры, а затем созданию факультета издание моего курса лекций по диалектическому материализму для естественных факультетов в Москве (1959 и 1960 гг), защита докторской диссертации в 1961 году, созданные вместе с москвичами коллективные монографии по теории познания. Эта ориентация кафедры нашла выражение и в подборе аспирантов. Особенно запали в память защиты кандидатских диссертаций И.Я. Лойфмана по диалектике взаимодействия сил притяжения и отталкивания и Е.Ф. Молевича по закономерностям эволюции живой природы. Первая была высоко оценена физиками из УФАН (впоследствии УНЦ, а затем УрО РАН), вторую предварительно прочитал и одобрил такой выдающийся биолог, как акад. С.С. Шварц, с которым я впоследствии не раз выступал в печати по философским вопросам экологии.

С О Ю З Ф И Л О С О Ф И И И ЕСТЕСТВОЗНАНИЦ

В связи с первой из упомянутых диссертаций уместным представляется отвлечься от темы и сделать замечание принципиального характера насчет эвристической роли материалистической диалектики. Во второй половине XIX века получило широкое распространение расширительное понимание открытого Клаузиусом второго закона термодинамики (закон энтропии) как неизбежности «тепловой смерти Вселенной», — когда все остальные виды энергии превратятся в тепловую, а последняя рассеется по бесконечному пространству Вселенной, в результате повсеместно установится температура чуть выше абсолютного нуля (- 273 градуса по

Цельсию). Задолго до того, как физик Л. Больцман доказал математически несостоятельность этой теории, философ Ф. Энгельс в заметках, вошедших в опубликованную позднее «Диалектику природы» (Больцман о них не мог знать), писал об этой теории: она предполагает, что «мировые часы были первоначально кем-то заведены», стало быть нынешнему состоянию материи во Вселенной должен был предшествовать «толчок извне», т.е. божественное творение, и поэтому данная теория должна быть отвергнута.

Если теория «тепловой смерти Вселенной» предполагала полную победу сил притяжения над силами отталкивания, то данная Джинсом, Эддингтоном и др. видными физиками в 20-е годы XX века трактовка открытого Хабблом разбегания галактик (так. наз. «красное смещение») привела к преобладанию среди физиков вплоть до самого конца этого столетия предположения, что Вселенная имела начало в виде ничтожно малого ядра материи высочайшей плотности, а затем начала и продолжает расширяться уже 15 млрд. лет. От объяснения этого явления либо уклонялись, либо приходили к мысли о первоначальном толчке как творения мира богом (в одной из энциклик папы Иоанна II сие провозглашается в качестве безусловной истины). К чести советских философов-материалистов, в том числе автора этих строк, они отвергали последнее объяснение, полагая, что последующий прогресс науки даст разгадку упомянутого разбегания галактик в Метагалактике. Приведу в качестве примера отрывок из своей книги «Диалектический материализм. Курс лекций для философских факультетов», увидевшей свет в 1973 г. в Москве тиражом 70 тыс. экз. и являющейся отредактированной стенограммой лекций, прочитанных студентам философского факультета УрГУ: «все дело в том, что известную нам сегодня часть Вселенной нельзя отождествлять со всей бесконечной Вселенной, и, следовательно, расширение следует рассматривать как гигантский, но тем не менее местный эффект» (С.116-117).

В □10 за 2001 год «Вестника Российской Академии Наук» помещен доклад члена-корреспондента РАН И.Д. Новикова «Инфляционная модель ранней Вселенной», в котором нашли обобщение новейшие данные астрономических наблюдений. Основной вывод автора таков: «из-за квантовых флуктуаций в различные моменты времени случайным образом происходит превращение «кипящего вакуума» в отдельные пузыри раздувающихся вселенных»; «потом возможен коллапс отдельных пузырей, и они снова перейдут в квантовое кипение» (С.891). Иначе говоря, расширение нашей Метагалактики, т.е. господство сил отталкивания над силами притяжения является для бесконечной Вселенной «местным эффектом». Я не знаю, читал ли автор упомянутого доклада, вызвавшего полное одобрение Президиума РАН, философские труды, в которых эта мысль была высказана задолго до того, как развитие естествознания ее подтвердило. Но подтвердило, что еще и еще раз свидетельствует о необходимости и плодотворности союза естествознания с материалистической философией, о котором писал Ленин еще в 1922 г. и очень много говорилось в советские годы (меньше делалось), но теперь зря позабыто.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА УРАЛЕ

Еще до возникновения факультета при кафедре была основана социологическая лаборатория, которая

сосредоточила усилия на изучении двух процессов: а) соотношения планов молодежи на будущее жизнеустройство и структуры системы образования; б) планов социального развития предприятий, территорий, а затем и отраслей промышленности. Если по первому вопросу работало сравнительно немного исследовательских коллективов (Лисовский в Ленинграде, Шубкин в Новосибирске и др.), то вторая из этих тем стала чрезвычайно популярной, ее разрабатывали применительно к местным условиям практически во всех уголках страны, где имелись подготовленные кадры социологов, экономистов, юристов, ибо проблема носила сугубо комплексный характер. Свердловские ученые в рамках Уральского Отделения ССА (Советской социологической ассоциации) координировали свои усилия по этой теме с учеными всех указанных специальностей в Уфе, Перми, Челябинске и других городах региона. Рассказывать об исследованиях по обоим этим направлениям подробно здесь нет возможности. Скажу только кратко об их общественной значимости и результатах.

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Проблемы молодежи и образования стали в центр общественного внимания после провала хрущевской реформы 1958 года. Образовался разрыв между тягой молодежи к получению среднего специального и особенно высшего образования и потребностью страны в рабочих кадрах. Попытка учить, как предлагала реформа 58 года, всех подростков в школе 11 лет и давать им одновременно среднее полное образование и рабочую профессию провалилась полностью: уровень знаний, получаемых в школе, снизился, а по полученным в специально созданных учебных комбинах либо непосредственно на предприятиях профессиям шли работать 5-10 выпускников одиннадцатилетки. В середине 60-х годов реформа была отменена и после долгих поисков была найдена форма «средних ПТУ», которые для той части молодежи, которая ориентировалась на получение рабочих профессий, давала возможность получить одновременно диплом о среднем образовании и тем самым открывала возможность продолжить образование в высшей школе. И эта форма «срабатывала» далеко не полностью, но к концу 80-х годов в СССР около 90% молодежи в возрасте до 20 лет в разных формах (средняя школа, вечерняя школа, «средние» ПТУ, средние специальные учебные заведения) получала среднее образование, а тем самым цель, поставленная в Конституции 1977 г., была в значительной мере выполнена. О многолетних исследованиях по данной проблеме в Свердловске, начиная со сборника «Жизненные планы молодежи» (1966 г.), а затем в Москве, выполненных под руководством автора в сотрудничестве с Ф.Р. Филипповым, Л.Я. Рубиной и многими другими учеными, можно будет прочесть в моей книге: «Социология образования и молодежи. 1965-2002», которая должна скоро выйти в свет.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Что касается второй темы, то она была вызвана к жизни отставанием социальной сферы, возникшим еще в годы индустриализации и резко обострившимся в годы войны при эвакуации промышленности на Восток. Станки начинали работать иной раз в чистом поле или под легким навесом при температуре минус тридцать; бараки строились не сразу, да и жизнь в них была несладкой из-за уплотненности, отсутствия элементарных удобств и т.д. Предприятия

Свердловской области (как и всего Урала, да и не только Урала) обратились к помощи ученых для того, чтобы часть получаемой ими прибыли наиболее рационально расходовать на строительство жилья, школ, клубов и в целом на улучшение жизненных условий персонала; это касалось в равной мере поселков и городов, как и тех, где «социальная сфера» находилась на балансе предприятий, так тех, которые вынуждены были содержать социальную сферу за счет скудных бюджетных ресурсов поселков, городов, областей.

Масштабность этой проблемы была осознана ВЦСПС, под эгидой которого в 70-е г. вышел трехтомник, посвященный типовым планам социального развития предприятий, регионов и отраслей хозяйства. Мне пришлось быть членом редколлекции всех трех томов и главным редактором одного из них. Закончилась кампания по составлению особых планов социального развития тем, что правительство переименовало планы хозяйственного развития в планы экономического и социального развития страны, отраслей, регионов, предприятий, колхозов и совхозов. Социальные разделы в этих комплексных планах, впрочем, были представлены недостаточно, да и на практике социальные задачи решались не в первую очередь.

Тем не менее в обоих случаях работа социологов в сотрудничестве с учеными-обществоведами других специальностей не была напрасной. Во-первых, планы социального развития сыграли известную роль при решении администрацией проблем на предприятиях и в территориальных единицах, а исследования по молодежи и образованию использовались местными органами управления в этой сфере, во-вторых, и те, и другие через научную печать и публицистику оказывали существенное влияние на формирование общественного мнения и, в конечном счете, на принятие определенных, хотя не всегда адекватных ситуации решений органами управления, вплоть до высших органов руководства страной.

В заключение следует отметить, что эта работа социологов, в том числе уральских, была продиктована заботой о нуждах страны и народа и соответствовала общему поступательному ходу экономического и социального развития советского общества до середины 80-х г.; одновременно она способствовала открытию многочисленных социологических отделений, а затем факультетов в вузах страны и воспитанию молодых научных кадров. О нынешнем состоянии общеобразовательной школы и социальной сферы здесь говорить не к месту, это особая тема, которой автор посвятил немало научных исследований во времена горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ» (которые теперь находят продолжение в «модернизации»). Они и довели СССР до развала, нынешнюю Российскую Федерацию до положения полуколонияльного сырьевого придатка развитых стран Запада, а подавляющее большинство народа до бедности или нищеты; по официальным данным весной 2002 г. треть населения имеет душевой доход ниже крайне скупо рассчитанного прожиточного минимума.

«НЕ ВСЕ ОБСТОЦЛО ГЛАДКО...»

Конечно, далеко не все обстояло гладко на описываемом первом этапе моей деятельности в качестве философа. Должен откровенно сказать о двух неприятностях личного плана и о двух тяжелых периодах в преподавании философии, как и других общественных наук, в УрГУ, да и не только в УрГУ,

а во всех вузах Союза.

Личные неприятности были приурочены к моменту защиты диссертации — кандидатской в 1950 и докторской в 1961 году. В первом случае дело обстояло следующим образом. За две недели до защиты, когда реферат был разослан, а оппоненты назначены, я был вызван в партком АОН при ЦК КПСС. «Вы скрыли свое социальное происхождение», — безапелляционно заявил секретарь парткома, — «мы снимаем диссертацию с защиты, так как ваш дед был белоэмигрантом, а дядя сидел в тюрьме по политической статье». Я попросил секретаря затребовать мое личное дело и он смог там прочесть, что в нем моей рукой черным по белому было отмечено при ответе на соответствующие вопросы анкеты, что дед по отцу, будучи членом правительства Центральной Рады, эмигрировал в Польшу в 1918 году, а дядя отбывал «срок» в самой известной киевской тюрьме Лукьяновке в 20-е годы. К счастью, хотя мы тряслись от страха каждую ночь, в 37-38 гг. его не тронули, он сидел тихо, преподавал историю в школе. Но там же было указано далее, что этот мой родственник, будучи легко ранен в самом начале войны, бежал из плена, а затем, чуть подлечившись, пошел довоевывать в партизанский отряд на Житомирщине, за что был награжден. Сия история весьма типична, ибо многие из тех, кого объявляли «врагами народа», на деле были патриотами до мозга костей. К защите меня, естественно, допустили.

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Перед защитой докторской диссертации в Институте философии АН СССР я был несколько удивлен скоплением народа в коридоре перед началом заседания. Оказывается, Г.А. Курсанов, мой бывший коллега по лекторской группе и по проведению семинаров в институтах УФАН, притащил с собой на Ученый Совет несколько естественников, которых я подверг критике в курсе диамата для естественных факультетов, который незадолго до этого был издан в Москве. Я не мог знать заранее, что скажут неофициальные оппоненты. А они разговорились не на шутку. Иваненко говорил 40 минут, я отвечал ему «с ходу» 20, исходя из беглой записи произнесенного оппонентом; Станюкович говорил 20 минут, я отвечал ему 10 и т.д. Сам Курсанов, чувствуя, что дело оборачивается круто, пробормотал нечто малопонятное, ему я и отвечать не стал. В результате из 27 членов Совета «за» проголосовали 23. Игра была сыграна не в пользу нападавших, но для себя я сделал вывод, что доверять людям, которые долго прикидываются твоими друзьями, надо с большой осмотрительностью.

СОБЫТИЦ НЕ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Сложнее дело обстоит с событиями далеко не личного характера. Закрытый доклад Хрущева на XX съезде с критикой в адрес Сталина, как известно, не обсуждался и не утверждался на Политбюро. Доклад произвел страшный шум во всем мире, вскоре был нелегально распространен массовым тиражом и прочтен всеми желающими. Особенно сильное впечатление он произвел на студенчество. Начались собрания и митинги на всех факультетах, особенно бурными они были на факультете журналистики. Мне, как и другим преподавателям общественных наук, пришлось разъяснять митингующим студентам, где тут правда, а где наветы. Это была тяжелая работа. Не надо объяснять сегодня, что означал

доклад Хрущева для страны, наших союзников и друзей. Накопившаяся в душе неуча и авантюриста Хрущева ненависть к Сталину, перед которым он трепетал и паясничал, обернулась большим ущербом для партии, страны, авторитета СССР за рубежом. Принятое 30 июня того же года взвешенное и разумное Постановление ЦК расставило все по своим места: ошибки Сталина были отмечены на фоне его заслуг перед страной, особенно во время Отечественной войны. Но это Постановление было принято с запозданием по меньшей мере на 5 месяцев. Если бы оно было принято до и вместо указанного доклада, ситуация была бы в корне иной. Надо вспомнить, как повели себя в сходной ситуации китайцы. «Культурная революция» Мао Цзэдуна унесла сто миллионов жизней и натворила в Китае бед, несопоставимых с ошибками и подлинными грехами Сталина. Но после прихода в 1978 г. к власти Дэн Сяопина Мао остался лежать в мавзолее, его продолжали (и продолжают) чтить, но при этом политику изменили на 180 градусов, так что Китай к середине XXI века станет самой мощной страной в мире по экономическому потенциалу. А СССР имел 20 % этого потенциала, сейчас Россия имеет 1,5-2%, призывы президента Путина догнать через 25 лет одного из самых слабых членов ЕС, Португалию, повисли в воздухе. Сейчас президент настаивает уже не на 10% роста экономики в год, а на 8 %, но правительство Касьянова упорно доказывает, что более 4% «никак не получится». И, действительно, при нынешнем социально-экономическом курсе не получится!

Второй эпизод для общественных наук обошелся, пожалуй, еще дороже. Принятая на XXI съезде КПСС в 1961 г. по инициативе Хрущева новая Программа КПСС, центральным пунктом которой был тезис о построении в СССР основ коммунизма за 20 лет, то есть к 1980 году, была научно совершенно несостоятельной. Страна находилась на одной из ступеней раннего социализма, вынуждена была тратить на оборону перед лицом агрессивного блока НАТО во главе с США 20-25% (США не более 6%), раны войны еще не зажили, предложенные темпы экономического роста (в 2,5 раза в первые 10 лет и еще в 2,5 раза в последующие 10 лет, итого в 6,25 раза), были явно высосаны из пальца. Мало-мальски грамотному марксисту все это было очевидно, как и основной тезис о вступлении в фазу коммунизма через 20 лет. Приходилось радоваться, что в курсе философии эти воздушные замки можно было обходить стороной. Но начальство в Москве приняло решение и ввело вдобавок к истории КПСС, философии и политэкономии еще один предмет марксистского цикла — теорию научного коммунизма, в основу которого должна была лечь указанная Программа. На специально созванном по этому поводу Всесоюзном совещании руководителей кафедр общественных наук в старом Кремлевском дворце ярче всех выступил наш коллега — зав. кафедрой политэкономии УрГУ В.М. Готлобер, в годы войны комиссар бригады морской пехоты. Он «на пальцах» доказал ненужность введения этого предмета, повторяющего куски из политэкономии социализма, истории партии и исторического материализма. Ему дружно похлопали в зале, но новый курс все равно ввели. В Свердловске долго искали кандидатуру на эту должность в УрГУ, ибо руководители кафедр университета по традиции одновременно возглавляли соответствующие секции городского семинара, объединяющего

преподавателей всех 15 вузов города. Многие отказывались, согласился мой зам. по кафедре Л.Н. Коган, согласился из чисто карьерных соображений и долго новой должностью бравировал. Это не помешало ему после прихода к власти Ельцина публично сжечь свой партбилет.

ОРГАНИЗАЦИ

И СТАНОВЛЕНИЕ ФАКУЛЬТЕТА

Второй этап моей деятельности в УрГУ связан с организацией и становлением философского факультета, базой которого явилась кафедра философии. Факультет сначала (1965 г.) получил статус Отделения истфака и только через год Факультета. Вот почему юбилей факультета, на мой взгляд, следует отмечать, ведя отчет от этой даты, ибо никакой связи или тем более подчинения руководству истфака первый год мы не ощущали, да и первый выпуск на факультете был произведен в 1970 году. Поддержку в создании факультета мне как его организатору («Создателем» в шутку меня назвал К.Н. Любутин в одной из своих эпиграмм по аналогии с «Создателем» в известном спектакле театра кукол С. Образцова), оказали две инстанции: Минвуз РСФСР и Свердловский Обком КПСС, особенно Отдел науки последнего в лице А.А. Добрыдена и З.Т. Серковой, но при известном сопротивлении ряда профессоров университета, особенно историка Кривоногова. Главная поддержка находилась внутри коллектива кафедры, которая разрослась, воспитала многих талантливых преподавателей.

О создании факультета я подробно рассказал читателям в упоминавшейся выше статье в журнале «Урал». Поэтому здесь остановлюсь только на принципах, которые были положены в его работу с первого дня. Во-первых, программа и учебный план уральского факультета существенно отличались от программ и учебных планов философских факультетов МГУ и ЛГУ. Я был убежден в том, что в XX веке философ должен быть широко образованным, эрудированным в науке и культуре специалистом. При слабости программ и невысоком качестве знаний большинства выпускников средней школы я счел необходимым внести в учебный план первых двух лет обучения курсы по физике, астрономии, биологии, математике (что особенно важно для будущих социологов), а также всеобщей истории. Нам пошли навстречу и взяли читать адаптированные для философов курсы старейший историк университета М.Я. Сюзюмов, проректор УрГУ биолог А.Т. Мокронос (впоследствии академик РАН), С.С. Шварц, тоже академик, декан мехмата Н.Ф. Сесекин, видный астроном профессор К.А. Бархатолва, физик И.К. Кикоин из УФАИ и многие другие видные специалисты.

Во-вторых, философский факультет с самого начала включал три специализации соответственно трем кафедрам: собственно философии (кафедра диамата), социологии (кафедра истмата), культурологии (кафедра этики, эстетики и научного атеизма); кафедры истории философии и логики обслуживали всех студентов. Впоследствии число кафедр выросло, а социология и культурология переросли в самостоятельные отделения или факультеты. Специализация учитывалась с третьего курса в учебных планах.

В-третьих, философ должен был быть в курсе политической и культурной жизни страны. Свердловск как крупнейший культурный и научный центр страны создавал для выполнения этой задачи необходимые условия. Студенты посещали премьеры спектаклей

драмтеатра и участвовали в их обсуждении, так же как премьеры наиболее значимых художественных фильмов в кинотеатре «Космос». На факультете систематически проводились вечера вопросов и ответов на любые темы, на них стекались студенты других факультетов. «Капустники» факультета пользовались также большой популярностью; помню, как искренне хохотал ректор С.В. Карпачев, когда его стиль достаточно вежливо высмеивала студентка Г. Затевахина на одном из таких вечеров. Была введена общественно-политическая двухнедельная практика в цехах заводов и различных учреждениях города. Стенгазета факультета «Логос» (редакторы «братья» Заботины», то есть студенты Закс и Субботин) допускала немало «вольностей», по поводу которых декану подчас приходилось объясняться в соответствующих инстанциях. Всего не перечислишь. Декан не знал отдыха, ибо наряду с ведущими преподавателями по вечерам еще периодически посещал студенческие общежития. Но подлинным организатором политической и культурной жизни было партбюро факультета, без его участия все колесики внеучебного воспитательного процесса вертелись бы вхолостую. Мне кажется, что студентам факультета было интересно на нем учиться. Но лучше пусть они сами скажут об этом, прежде всего студенты выпусков 1970 и 1971 г., с которыми я лично работал. Особенно радостен был первый выпуск студентов в 1970 году, кстати, половина из них уже стала докторами наук. Это значит, что первоначальную закалку факультет им дал неплохую.

Выше уже говорилось о поддержке местных партийных органов. Так было при секретарях Обкома Кутыреве, Николаеве, Кириленко: последний, будучи членом Политбюро, сидел в президиуме Второй всесоюзной конференции по социальной структуре общества, которую мы проводили в здании драмтеатра.

Ситуация в корне изменилась, когда к руководству Обкома на смену высокообразованному и тактичному К. Николаеву пришел Я. Рябов. В начале 1972 г. на бюро был поставлен вопрос о работе философского факультета УрГУ. Обстановку недоброжелательности я ощутил сразу. После доклада декана последовали вопросы такого рода: «почему студенты вашего факультета на лекциях по политэкономии социализма читают Гегеля?». Я согласился с тем, что на лекциях надо слушать лектора, но вместе с тем заметил, что «в библиотеке университета сочинения Гегеля имеются всего в одном экземпляре, студенты стоят за ними в очереди, а когда очередь до них доходит, читают всюду, где только могут. Надо бы приобрести философские труды классиков философии в достаточном количестве, иначе растущий по численности студентов факультет задохнется от недостатка литературы. Кстати, Гегеля любил читать В.И. Ленин, делая конспекты к его работам». Были и другие вопросы и ответы аналогичного порядка. В заключение Я. Рябов, обращаясь к присутствовавшим на заседании профессорам факультета, сказал повелительным тоном: «Вы его (подразумевалось, декана) не слушайте!».

После этого заседания я стал задумываться над предложениями, которые мне делали до присвоения звания члена-корреспондента АН СССР и после этого радостного события в 1970 году. Ранее я отвергал их напрочь. Мне в Свердловске было хорошо и жить, и работать: факультет развивался, студенты мои лекции воспринимали с видимым вниманием,

сыновья поступили в вузы, друзей у меня и жены, коренной свердловчанки, было очень много, театры и филармония находились на расстоянии 10-15 минут ходьбы от дома... Чего еще желать? Но после этого казуса я понял, что мне и факультету помогать далее не будут, что для местного начальства я персона non grata. Поэтому предложение Президиума АН СССР о занятии поста директора академического института в Москве, поступившее в конце марта того же года, я принял. Оставляя я свою «вторую родину» и незавершенный строительством факультет с болью душевной, но началась новая страница моей личной истории, и о ней я поведаю читателю в другой раз.

Что касается факультета, то я его передал в хорошие руки — профессора Л.М. Архангельского, который был еще на кафедре в 50-е г. моим заместителем. Но вскоре Леонид Михайлович перебрался в Москву, где возглавил в соответствии со своей специальностью Отдел этики Института философии АН СССР; после неудачной операции он безвременно скончался. Факультет же перешел надолго в ведение моего ученика профессора К.Н. Любутина, заведующего кафедрой истории философии. Поэтому о дальнейшей судьбе философского факультета УрГУ в 70-90 г. лучше и полнее кого-либо другого может рассказать Константин Николаевич; я надеюсь, что он продолжит интересующую вас тему о развитии Уральской философской школы.

В Свердловске у меня остался старший сын, много друзей и учеников. Я их очень люблю, со многими переписываюсь и нередко встречаюсь в Москве.

Член-корреспондент РАН М.Н. Руткевич
23 июня 2002 г.

Из воспоминаний бывших учеников
и аспирантов М.Н. Руткевича,
ныне докторов философских наук

1. НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ — АСПИРАНТЫ

«О том, что было от начала...»

И.Я. Лойфман:

Я окончил физико-математический факультет УрГУ, девять лет работал преподавателем физики в школе. В 1954 г. я пришел к Михаилу Николаевичу, тогда зав. кафедрой философии УрГУ, для разговора о поступлении в аспирантуру и сдаче экзаменов кандидатского минимума. До этого я не знал его. Но читал статью его отца, Николая Паулиновича в «Ученых записках пед. института» о причинах I Мировой войны.

Статья поразила меня. И я подумал: «Если такой папа, то и сын не хуже». Спустя годы, на 70-летие М.Н., я подарил ему книгу с этой статьей отца. При разговоре с М.Н. я изложил ему свои соображения по поводу темы будущей работы — проблемы прерывности и непрерывности. М.Н. предложил иную постановку вопроса и тему «Философское значение категорий притяжения и отталкивания» под рубрикой «Философские проблемы естествознания» и дал добро на сдачу экзаменов.

Потом в моей судьбе произошел поворот — меня пригласили работать на кафедре общей физики в УПИ. Одновременно я вел почасовые занятия по философии и писал диссертацию по этой теме. В 1961 г. в «Философских науках» была опубликована моя статья. Я ведь еще и шестидесятник! При обсуждении диссертация была одобрена. А дальше я получил приглашение работать ассистентом на кафедру философии пед. Института. М.Н. Руткевич,

узнав об этом, добился моего зачисления на кафедру философии УрГУ в сентябре 1962 г.

В декабре этого же года состоялась защита моей диссертации. Одним из оппонентов на защите был С.В. Вонсовский, которого я тоже считаю своим учителем, пробудившим во мне интерес к философским проблемам естествознания. Как научный руководитель М.Н. был очень требовательным, он внимательно читал работу, подробно правил текст — не так, как, к примеру, Курсанов, который аспирантам писал заключения на французском языке.

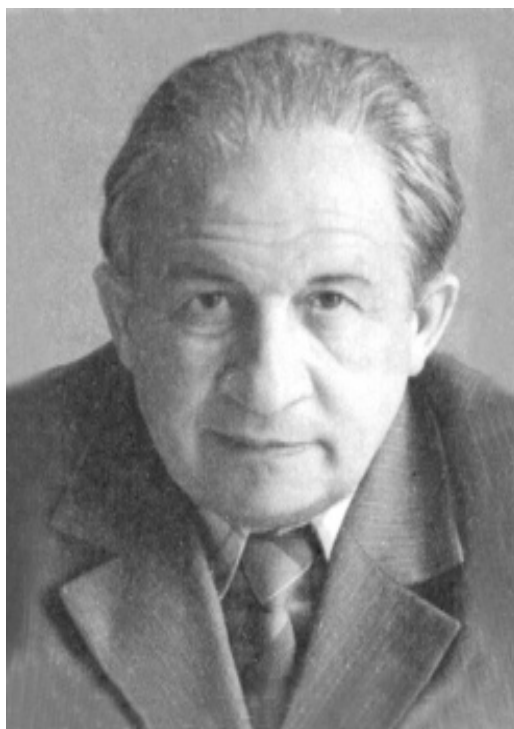
К.Н. Любутин:

После окончания философского факультета МГУ у меня были неплохие шансы для поступления в аспирантуру. Во время учебы я работал в комитете ВЛКСМ МГУ. Однажды я был вызван в партком, где мне сказали: ты идешь в аспирантуру и будешь секретарем комитета ВЛКСМ. Но тут, а это было в 1957 г., вышел указ Н.С. Хрущева о том, что поступающий в аспирантуру должен иметь двухгодичный трудовой стаж. Для отработки стажа я поехал преподавать в училище в Нижний Тагил. В 1957 г. философию включили в число обязательных предметов в вузах. Кандидатский минимум можно было сдать при кафедре М.Н. Руткевича. Обязательной была и сдача вступительных экзаменов в аспирантуру. Я все это сдал и в 1959 г. М.Н. Руткевич зачислил меня к себе в аспирантуру. Диплом я писал по Фейербаху. Т.И. Ойзерман рекомендовал мой диплом к печати. Статья была опубликована в журнале «Философские науки».

Когда в самом начале нашего знакомства я пришел к М.Н. Руткевичу, он предложил мне тему о М. Планке. Но когда статья вышла, он более серьезно отнесся к моим научным интересам и сказал: «Пиши, что угодно, но руководить буду я!». Каким он был в качестве научного руководителя? С точки зрения формальной он действовал в соответствии с Положением ВАК, суть которого заключалась в следующем: руководитель не должен участвовать в работе над диссертацией! С точки зрения содержательной он предоставил мне свободу, не мешал самостоятельной работе. Он сообщал о формальных требованиях к диссертации и жестко следил за выполнением плана. В целом на кафедре М.Н. установил такой порядок, в соответствии с которым аспиранты должны были делать доклады на кафедре по материалам своих работ, некоторые из них публиковались в кафедральных сборниках.

Л.Я. Рубина:

С М.Н. Руткевичем меня связывают почти 40 лет совместной работы, научного сотрудничества, дружбы с ним и его семьей. Это слишком большой срок, чтобы кратко охарактеризовать его как человека явно неординарного, творческого, имеющего всегда свой взгляд на жизнь, людей и проблемы. Он вернулся с войны лейтенантом, пройдя нелегкий путь войны с ее первого дня, и на всю жизнь остался бойцом, умеющим держать удар.

Я пришла на его кафедру философии в УрГУ в 1963 г. после 6 лет работы в школе. Моя аспирантская тема была на стыке эстетики и этики, руководителем назначили Л.М. Архангельского. Но перед зачислением в аспирантуру я была приглашена на собеседование к М.Н. Руткевичу. Дрожа от страха перед его авторитетом, я так старательно и «правильно» отвечала на его вопросы, что он сказал в заключение: «Ну, хорошо, в аспирантуру мы Вас берем, но шкрабство придется из Вас выбивать, и чем быстрее, тем лучше». Не знаю, как скоро я избавилась от синдрома отличницы и учительских интонаций, но уже через год очная аспирантура преобразовалась в заочную, т.к. Михаил Николаевич предложил работу на кафедре ассистентом, через год — старшим преподавателем и далее — по общепринятым правилам — кандидатом наук — доцентом и т.д.

Д.В. Пивоваров:

Руководство аспирантами Михаил Николаевич осуществлял весьма квалифицированно. Тексты читал досконально, делал правку с едкими замечаниями на полях. Как-то в начале аспирантуры одну статью мне пришлось переделывать раз пять. Это было хорошей школой, можно сказать, что и собственный стиль у меня сложился во многом благодаря его замечаниям и работе со мной. Со мной он работал на совесть. Давал мне иностранную литературу. Как член академии, Михаил Николаевич пользовался возможностью получать англо-американскую научную литературу. С его помощью у меня была возможность знать соответствующую литературу прямо, а не через Москву. Я всегда прислушивался к его советам и замечаниям. Но, критикуя, М.Н. не навязывал исключительно собственный подход, свою точку зрения, но всегда ценил творческую свободу аспирантов.

П. ПЕРВЫЙ ДЕКАН
И ФАКУЛЬТЕТ
И.Я. Лойфман:

О роли М.Н. в создании Уральской философской школы многое уже сказано. Тем не менее выскажу следующее. На пустом месте ничего не возникает. Какие-то предпосылки для формирования крупного философского центра создавались еще во время заведования кафедрой философии УрГУ М.Т. Иовчуком. При кафедре была и аспирантура. Но предпосылки есть предпосылки. Они могут быть отнесены к рубрике «Условия по созданию Уральской философской школы». А реально действующий фактор — это был, конечно, М.Н. Руткевич. Именно вокруг него формировался круг людей — первостроителей философского факультета. Это были люди по преимуществу с естественнонаучной подготовкой. Все мы были прямыми учениками М.Н. Руткевича. Во время создания факультета я стал его заместителем по кафедре диамата. Остальные возглавили создаваемые кафедры: Л.М.

Архангельский — кафедру истмата, К.Н. Любути́н — кафедру истории философии и т.д.

Стиль руководства факультетом М.Н. можно оценить так. Он прошел армейскую школу. Человек требовательный — и по отношению к себе, и относительно других людей: если задача поставлена, ее надо выполнять! Если оценивать всех деканов факультета за прошедшие три с лишним десятилетия, то выявляются большие различия в стиле руководства. М.Н. в качестве декана выступал как самодержец, Л.М. Архангельский — как миротворец, ну и т.д.

Его стиль в науке — это сплошные дискуссии! Полемика с оппонентами содержится во всех статьях и книгах М.Н. Руткевича. У Ленина есть одно высказывание о том, что нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически. Так вот, все работы Руткевича полемичны, как философские, так и социологические. Настоящее исследование должно учесть альтернативы. Правда, к научной полемике иногда присоединяются и межличностные отношения, ненаучные факторы, т.н. «контры» и т.д. Дискуссионный характер носят и его книги последних лет. Одной из недавних работ была статья Руткевича в «Вопросах философии» по проблемам нации, где он полемизирует с Тишковым.

О высоких способностях М.Н. Руткевича в ведении дискуссии, об умении отстоять свои философские убеждения говорит тот факт, что защита его докторской диссертации в Институте философии в Москве длилась 8 часов. И хотя он особо диссертацию не писал, а защищался на основе написанного им и впоследствии доработанного и переизданного учебника «Диалектический материализм», и у него было много противников, все же М.Н. сумел аргументированно и стойко защитить собственную концепцию и вполне заслуженно получить степень доктора философских наук.

Л.Я. Рубина:

Было много общих дел, в которых довелось участвовать вместе со всеми: создание философского факультета, координация научных исследований в Уральском регионе, организация конференций, множество коллективных мероприятий — учебных (вроде «Школы юных марксистов»), научных, досуговых (формальных и неформальных). Декан факультета в них не просто участвовал, он был их организатором, вникая во все, до мелочей.

Затевая какой-либо проект, Михаил Николаевич всегда имеет в голове его целостный план, от и до, начиная с названия, с определения проблемы, в которых значимо каждое слово. Он никогда не против инициативы, если она «по делу», дает всегда конкретные задания. Правда, поручая что-либо одному человеку (особенно в оргработе), он иногда, для подстраховки, поручает это еще одному-двум, что не всегда нам нравилось, но ему давало нужный результат.

Приходилось не раз слышать, что у него трудный характер. С этим можно и согласиться, особенно зная его в разных ипостасях. Но я не уверена, что с характером легким можно добиться больших успехов, признания, уважения. И обычно отвечаю: «Трудно, но интересно». Михаил Николаевич настойчив, упрям, может, как говорится, «надавить», «заставить», «убедить», что для деловых отношений совсем не бесполезно. В дружеском же общении он вполне открыт к диалогу, обсуждению, может согласиться с мнением других, особенно в тех сферах, где не считает себя специалистом, к примеру, в быту.

Можно вспомнить, как он редактировал научные издания кафедры — не просто стилистически совершенствуя текст, но заставляя авторов доводить свои идеи до удобоваримой формы. Свою первую аспирантскую статью для сборника трудов кафедры я переделывала после замечаний Михаила Николаевича не менее 4-х раз, и это было хорошей школой, позволившей позже не только писать диссертации, но набраться смелости готовить общие материалы и книги в соавторстве с ним. Как правило, план издания был у него в голове, я вносила свои предложения, затем «делили» главы и разделы примерно поровну, писали раздельно, взаимно обсуждали, корректировали и т.п. Главные требования были всегда такими: четкость мысли и формулировок, доказательность выводов, строгость в интерпретации статистических и эмпирических данных. За каждой его идеей — огромная эрудиция, логика, нестандартность мысли.

К.Н. Любути́н:

На факультете авторитет декана был непререкаемым, к нему сложилось отношение вполне научное и содержательно, и эмоционально. Сначала он был единственным доктором наук на факультете, затем докторами стали Л.Н. Коган и Л.М. Архангельский. Во всех видах деятельности декана — учебной, научной, административной, он проявлял себя как человек сугубо энергичный, решительный, положительный. К преподавателям и студентам относился строго, но начальству своих в обиду не давал. С отъездом М.Н. Руткевича в Москву факультет пережил потрясение. Когда спустя два года уехал еще и Л.М. Архангельский, сложилась особо драматическая ситуация — сказывалась нехватка докторов наук.

Д.В. Пивоваров:

В его бытность деканом М.Н. фактически дал образец философского образования. Не было после него и нет сейчас такого образца! Ведь какую программу факультета он создал: ввел 64 (!) учебных дисциплины, половину которых составляли естественнонаучные курсы, вторую половину — гуманитарные. Один перечень предметов чего стоит! Важно еще не только что изучалось, но и как! Курсы по каждой из дисциплин читались ведущими уральскими учеными из УрГУ и Уральского научного центра АН СССР (ныне УрО РАН). Биологию захватывающе нам читал А.Т. Мокронос, декан биофака. Физиологию растений и животных нам преподавал доцент Подсосов, физиолог. Занимались мы в вариации, резали лягушек! Девочки в обморок падали... Неорганическую и органическую химию у нас вели профессора В.П. Кочергин и В.И. Есафов. Историю средних веков читал М.Я. Сюзюмов, он же вел у нас историю Византийской философии. И как! До сих пор все помнится прекрасно! Новейшую историю нам давал В.И. Шихов. Сейчас факультет стал почти гуманитарным. Стало в два раза меньше дисциплин, учиться стало легче. А нам приходилось довольно трудно, мы много занимались. К тому же был немалый отсев неуспевающих студентов. Но в то же время М.Н. к студентам относился в какой-то степени лучше, чем к преподавателям: студенты свободно заходили в его кабинет, а преподавателей он приструнивал. При М.Н. на кафедре строго спрашивалось за опоздания, без его разрешения никто не ездил в командировки. Работали напряженно — по две-три методических разработки в год делали. М.Н. учредил и порядок взаимного посещения лекций преподавателями, пускал желающих и на

свои лекции. После посещения практиковался критический разбор лекций. В традиции было и обсуждение разных методических материалов. М.Н. давал и свои материалы для критического обсуждения и учитывал замечания. Он на совесть занимался всем — и методикой учебного процесса, и наукой, которой уделял огромное внимание. Тогда весьма активно работало студенческое научное общество. Под руководством Руткевича вышел сборник студенческих научных работ, позже регулярно выходил «Вестник НСО», а к нему — юмористическое приложение под названием «Бочка Диогена».

И каковы плоды деканства Руткевича?! Первый выпуск дал самый большой процент докторов наук и сделавших карьеру по иной линии — ректоров, проректоров. Так он поставил школу, показал образец!

В своих устных выступлениях М.Н. поражал всех своими бойцовскими качествами. Он же и во время войны занимался философией. Очевидно, его стиль сложился еще тогда. Как он побивал В.В. Орлова! Это тоже образец для репрезентации своей позиции. У него была моментальная реакция на вопросы, реплики, замечания оппонентов. Хорошая логика в речи: на три части все разделяет и по пунктам разобьет. Прекрасная литературная речь — уверенная, немного снисходительная, убежденная! Хороший стилист! Свои тезисы аргументировал и железной логикой, и репрезентативными фактами. Этому соответствовал и внешний облик декана: М.Н. всегда был весьма элегантно и с иголочки одет! Одним словом, несмотря на всю неоднозначность, М.Н. Руткевич — оригинальная личность и талантливый человек!

В.О. Лобовиков:

М.Н. Руткевич нам читал спецкурс «Актуальные проблемы ленинской теории отражения». Особо интересно в его изложении высветились перед нами проблемы онтологии и гносеологии. Даже немного жаль, что он ушел потом в социологию, поскольку именно в диалектической проблематике М.Н. предстал перед нами как глубокий ученый и яркая личность. Самым запоминающимся в его спецкурсе была яростная полемика. Острой критике он подвергал пермского Орлова, югославскую группу «Праксис», других оппонентов ленинской теории отражения. Его стилю критики можно провести некоторые параллели: нечто подобное характерно для критики К. Поппером Гегеля, Маркса, Вольтера, Ленина, несмотря на все различия их «лагерей». Вольтер, кстати, очень ядовито высказывался о Шекспире. Поражала бойцовская манера М.Н. Руткевича, неповторимый ораторский стиль.

О.Ф. Русакова:

В моей судьбе М.Н. Руткевич сыграл особую роль. За два года до поступления в университет я вместе с Л.М. Андрюхиной и С.Н. Некрасовой занималась в КУЮМе (Комсомольском университете юного марксиста). М.Н. вел там занятия по современной философии. Под его руководством я писала реферат по А.Тойнби и У. Ростоу под рубрикой «Критика современных буржуазных концепций общественного развития». Совместная работа с М.Н. сыграла судьбоносную роль в моей жизни, она стала стимулом для поступления на философский факультет УрГУ. Такое же влияние встреча с М.Н., скорее всего, оказала и на судьбу моих товарищей по КУЮМу. Три года моей студенческой жизни, с 1969 по 1971 г., были временем, когда факультетом руководил М.Н. Руткевич. На первом курсе в группе диалектического материализма мы

учились вместе с Алексеем, сыном М.Н. Руткевича. М.Н. был строгим и властным деканом и на каждой своей лекции требовал от старост, в том числе и от меня, как старосты первой группы, краткие отчеты о каждом из отсутствующих студентов.

Вспоминается даже сам вход М.Н. в аудиторию. Это было похоже на действие, а сам он — на актера! Иногда, когда М.Н. увлекался в процессе лекции, он снимал пиджак и, оставаясь в красном джемпере с галстуком, садился на стол. Помнится еще и момент встречи его студентами в новом качестве члена-корреспондента АН СССР. М.Н. предстал перед нами особо торжественным и наш курс устроил ему овацию. М.Н. «держал» факультет. Его стиль деканства — это особый, неповторимый стиль. У него была харизма!

Лекции и учебник М.Н. Руткевича по диалектическому материализму стали для меня одной из основ философской подготовки. На педпрактике в Новосибирске я благодаря этому получила высокую оценку. После его отъезда мы все с гордостью читали вышедшие из-под его пера книги. Заочный интеллектуальный контакт с ним продолжается до сих пор. С таким же вниманием сейчас мы следим за успехами его сына — А.М. Руткевича — доктора философских наук, профессора, крупного специалиста в области западной философии, блестящего переводчика.

III. М.Н. РУТКЕВИЧ

И УРАЛЬСКАЯ ФИЛОСОФСКО-ШКОЛА

Из интервью М.Н. Руткевича журналу «Вопросы философии»:

«Специалист подобен флюсу — это известное изречение Козьмы Пруткова всегда приходит на ум, когда в диалектическом единстве дифференциации и интеграции научного знания первая сторона затемняет вторую. Интегративная роль марксистской философии как мировоззрения и как метода познания требует того, чтобы общие ее принципы явственно проступали в каждом частном философском исследовании, определяли его идейную направленность. Из сказанного выше следует, что и в подготовке философских кадров, на мой взгляд, центр тяжести сейчас должен быть перенесен на повышение качества подготовки молодых специалистов на философских факультетах, на повышение критериев, прилагаемых к диссертации, гармоническое сочетание тонкого исследования специальных философских проблем с глубоким усвоением и последовательным проведением коренных принципов марксизма, на сочетание высокой философской культуры и коммунистической идейности...

Полученное мною в свое время естественнонаучное образование требовало дополнения «с другой стороны», в частности потому, что в связи с открытием философского факультета в Уральском университете мне пришлось подготовить и дважды прочесть полный курс диалектического материализма для студентов-философов. Этот курс должен явно опираться на естественные и общественные науки. Вот почему в последние 6-7 лет, помимо проблем диалектического материализма, я выступал в печати также и по вопросам социологии. Вполне понятно, что в социологии (как и в других областях философского знания) меня интересуют в первую очередь методологические вопросы, в особенности вопросы социальной структуры, диалектики ее развития, отражения мира в общественном сознании вообще,

в художественном творчестве в частности» [Новые члены-корреспонденты АН СССР о своих творческих планах // Вопросы философии, 1971, С.128-129].

И.Я. Лойфман:

Основная струя М.Н. Руткевича в науке — диалектика как методология научного познания. Это единая методологическая концепция, которая может быть воплощена в разных областях и на разных уровнях философского знания. М.Н. — создатель и автор журнала «Социс» на протяжении многих лет. Его обобщающая книга «Общество как система: социологические очерки» (СПб.: Алетейя, 2001) — это репрезентация его социологических взглядов. Но я считаю, и свое мнение я высказал в рецензии на эту книгу в газете «Наука Урала», что точнее жанр этой книги было бы охарактеризовать как философско-социологические очерки. Любое социальное построение опирается на решение методологических проблем. Здесь срабатывает методологический нерв. Последние работы, написанные нами совместно — «Диалектика и теория научного познания» и «Основы гносеологии» в полной мере воплощают данную позицию. В них лишь некоторые акценты расставлены несколько иначе, чем раньше.

К.Н. Любутин:

Картину философской жизни советского времени нельзя сводить к апологетике власти и толкованию «Краткого курса ВКП(б)» Сталина. Всегда были философы, находившиеся как бы вне официальной линии, идеи которых именно сегодня оказались востребованы не только российской, но и мировой философией. Были такие и среди уральских философов. Сам термин «Уральская философская школа» впервые употребил в конце 60-х годов чл.-корр. Б.П. Колесников, бывший в то время ректором университета. Конечно, никаких особых школ в философии, как и в других гуманитарных науках, официально не признавалось, была одна — марксистская школа. Б.П. Колесников назвал так философский факультет по аналогии со школами в естественных науках. Но М.Н. Руткевичу формулировка ректора понравилась. Можно было сопоставлять свой факультет с философскими факультетами МГУ, ЛГУ, Киевского университета.

После XX съезда КПСС (1956 г.) рухнула сталинская версия философии марксизма, хотя при поддержке М. Суслова она все же дотянула до «перестройки». В рамках партийной парадигмы тех лет преодоление сталинской версии философии марксизма шло как возрождение той традиции, которая восходит к Гегелю и Энгельсу, развивалась Плехановым и Лениным. О какой-либо специфике взглядов Маркса на философию сторонники этой позиции речи не вели.

Первым учебником, содержащим последовательную сциентистскую трактовку философии марксизма, был учебник «Диалектический материализм», подготовленный заведующим кафедрой философии Уральского госуниверситета М.Н. Руткевичем (на основе курса лекций для студентов естественных факультетов университета). Он вышел в свет в 1959 году и не только обладал необходимыми для такого рода издания учебно-методическими характеристиками, но одновременно носил характер подлинно научного исследования. В 1973 году «Диалектический материализм» в переработанном варианте вышел как курс лекций для студентов философских факультетов. Определение диалектического материализма, данное М.Н. Руткевичем, стало классическим и так или иначе варьировалось у многочисленных авторов. Вот

оно: «... диалектический материализм есть наука о соотношении бытия и мышления и о наиболее общих законах развития бытия и мышления. Бытие здесь понимается как материальное бытие, как природа и общество. Если учесть, что отношение мышления, как вторичного, к бытию, как первичному, тоже выступает как закон, характеризующий взаимосвязь этих основных сторон реальности, а законы диалектики являются законами развития бытия и мышления, рассматриваемых в их взаимосвязи, можно сказать еще более кратко: наука о наиболее общих законах бытия и мышления» [С. 37]. Сциентистская версия философии марксизма оказала существенное позитивное воздействие прежде всего на развитие естественных наук в послесталинский период как в СССР, так и в других странах.

Однако понимание философии Марксом существенно отличалось от понимания ее Энгельсом. Одними из первых в СССР на это обстоятельство обратили внимание сотрудники кафедры истории философии Уральского университета в связи с исследованием современной философской антропологии. Сторонники философской антропологии видели в Марксе одного из своих главных предшественников.

Официальная позиция, озвученная Сусловым и Федосеевым, была однозначна: все это очередная, именно «антропологическая», фальсификация философии Маркса, попытка противопоставить философские взгляды Маркса Энгельсу и Ленину. Наше обращение к Марксу убедило в том, что главное в его философии — учение о человеке и обществе. Изучение российских версий марксизма — одна из основных тем кафедры истории философии Уральского университета в настоящее время. На кафедрах философского факультета и ИППК интенсивно разрабатываются обе интерпретации марксистской философии. Сложившаяся в советское время Уральская философская школа — органическая часть великой русской философской культуры.

Л.Я. Рубина:

Иногда говорят, что М.Н. Руткевич в большей мере тяготел к социологии общей, теоретической и в меньшей — к прикладной, эмпирической. Это не совсем так. Заслуга его именно в том, что создание уральской социологической школы началось с исследований в области социальной структуры общества, жизненных планов молодежи, социологии образования, в которых были представлены результаты как теоретических (чего стоил только один методологический семинар на философском факультете!), так и конкретно-социологических исследований.

Он реально представлял себе уровень эмпирических исследований в российской социологии 60-х гг., и некоторый скепсис по поводу манипулирования кустарно собранными и не всегда достоверными данными у него был. Не случайно, думаю, в начале 70-х гг., в процессе подготовки и проведения Второй всероссийской конференции по социальной структуре общества, в которой участвовали делегации всех республик СССР и регионов России, он отправил меня в республики Прибалтики, в Новосибирск для налаживания координационных связей и подготовки совместных исследований с профессиональными социологами, работавшими по западным методикам с применением современного математического аппарата. Как известно, доступ к соответствующим источникам тогда был не столь широк, как сейчас.

Это позволило М.Н. Руткевичу позже, уже

в качестве директора Института социологических исследований в Москве, осуществить на должном профессиональном уровне ряд общесоюзных и международных сравнительных исследований по взаимосвязи социальной структуры, образования, жизненных карьер молодежи. В этих исследованиях и многочисленных публикациях по ним Уральский регион был представлен достойно.

IV. НЕФОРМАЛЬНАЦ ЖИЗНЬ

К.Н. Любутин:

М.Н. оказывал большое влияние на жизнь окружающих его людей еще и в общегуманитарном плане. Еще в дофакультетский период на кафедре никогда не умолкал творческий разговор, периодически проводились обзоры толстых журналов, обсуждались «жаренные факты» и новости, спорные статьи и материалы. В этом М.Н. во многом помогали Л.Н. Коган и А.Ф. Еремеев. Часто шутили, на любых мероприятиях всегда присутствовал юмор, на юбилеи и праздники организовывали «капустники». Эта творческая жизнь стала традицией и на факультете.

М.Н. прекрасно образован еще и музыкально. Если он невзначай встречал наших студентов в филармонии, то всегда отмечал это. И в целом он поощрял посещения студентами так называемых «очагов культуры». М.Н. умел создавать неформальную обстановку. Часто по его инициативе организовывались выезды на природу, в лес, мы жгли там костры, дурачились. Словом, гуманитарно-творческая обстановка существовала на факультете всегда, даже в период нового идеологического зажима.

Переживания преподавателей и сотрудников по поводу отъезда М.Н. в Москву отражены в моем сочинении к одному из «капустников» под названием «Леонид Архангельский и конец Уральской классической философии». Авторство в присвоении М.Н. Руткевичу эпитета «Создатель» можно установить, прочитав юбилейное издание философского андеграунда: К.Н. Любутин. Выбранные места из переписки с друзьями. Екатеринбург, Нижневартовск: Самое философское издательство, 2000. С. 62-63.

Л.Я. Рубина:

Мне много раз доводилось отдыхать вместе с Михаилом Николаевичем и Ириной Ивановной (замечательным, умным, тонким человеком с крепким характером — женой, которой М.Н. постоянно гордится и считает своей основной жизненной ценностью), бывать у них в доме, дружить со всеми тремя сыновьями. И здесь Михаил Николаевич — весьма почитаемый глава большого семейства и просто интересный человек. Не филолог, но он великолепно знает и любит литературу (Чехова, Бабеля, Хемингуэя перечитывает постоянно), из современных авторов в восторге от Довлатова, до сих пор выписывает «толстые журналы».

Многих удивляет его знание живописи и, особенно, музыки. Имея хороший слух и память, он любую из опер Д. Верди «пропоет» от начала до конца, а записи классических симфоний готов слушать постоянно и при этом удивляться, как можно такое чудо создать.

О поэзии особый разговор. М.Н. говорит, что знает и любит ее с детства. Часто читает на память А.Блока, Б.Пастернака, В.Маяковского, Б.Слуцкого, К.Симонова. В последние годы, далеко не в самые легкие дни болезней и пребывания в больницах, обнаружил в себе талант поэта-переводчика.

Хорошо владея украинским и белорусским языками, обладая несомненным поэтическим чутьем, Михаил Николаевич занимал свои дни переводами на русский язык многих стихов современного белорусского поэта В. Некляева, украинки Л. Костенко и украинского же поэта Л.Стуса. Эти переводы были небольшим тиражом и очень скромно изданы у нас, в Уральском госпедуниверситете, а затем более солидно в Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя». Могу сказать, что изданием этих стихов он гордится не менее, чем своими научными монографиями, охотно дарит друзьям.

О.Ф. Русакова:

На факультете в те времена каждый год проходили студенческие «капустники», на которых мы шутили, на музыку переключивали отрывки из лекций, пародировали какие-то характерные выражения преподавателей. В голову пришел куплет одной из сочиненных студентами песенок:

Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи.
Зачет пройдет, за ним другой,
Экзамен сдан как таковой.
Семестр мелькнет, любовь мелькнет,
Как белый парус вдалеке.
Лишь диамат, лишь диамат
Застрял, проклятый, в голове!

V. НАСТОЩЕЕ ВРЕМЯ: ВЕРНОСТЬ УБЕЖДЕНИЦМ

И.Я. Лойфман:

Краткие формулировки — не такое уж легкое дело... По философской позиции М.Н. Руткевич, без сомнения, убежденный марксист, сторонник диалектического материализма. Весьма негативно он реагировал на публикацию Т.И. Ойзермана, в которой основы диамата подвергнуты ревизии. По политическим убеждениям он — сторонник социалистических взглядов. Некоторое время назад мы вместе с ним участвовали в деятельности общественной организации РУСО (Российские ученые социалистической ориентации). Если говорить о более широкой жизненной позиции Михаила Николаевича, то о нем можно сказать, что он исторический оптимист. Нынешнее время он оценивает как некоторый зигзаг в истории. Нельзя считать идеалом справедливости общество, которое основано на социальном неравенстве.

Л.Я. Рубина:

После переезда семьи Руткевичей в Москву и до сего дня наше сотрудничество не прекращается ни в профессиональном отношении, ни в чисто человеческом плане. Были общие проекты, исследования, «подсказанные» им, были мои публикации, первым экспертом которых был он, а его замечания, как всегда, точны и остроумны.

До сих пор меня поражает творческая активность, разносторонний интерес к жизни, неиссякаемая эрудиция и память. Если раздается телефонный звонок или приходит письмо от Михаила Николаевича, заранее уверена, что услышу или прочту «авторский» анализ текущих событий в мире, стране и в нашем Екатеринбурге (!), перечень ближайших планов и дел и обязательное задание мне лично: раздобыть нужную книгу, собрать статистические данные по какому-либо вопросу, договориться об издании его брошюры. И непреломное напоминание о том, что я все еще не отправила статью в «Социс» или «Народное образование» и не закончила книгу о реформаторстве в образовании...

Д.В. Пивоваров:

М.Н. до сих пор находится в неплохой философской форме. Мы звоним друг другу, и не только на дни рождения, переписываемся, пересылаем новые книги. Он в курсе всего, что происходит, как в философском мире, так и в общественно-политической жизни. Он всегда остро реагирует на какие-то события, быстро пишет статьи со своей оценкой происходящего, часто публикуется на страницах научных журналов и газет. В рецензиях на его книги М.Н. Руткевича характеризуют как крупного ученого и человека стойких взглядов. М.Н. до сих пор сохраняет вкус к диалектике и это действительно ядро его концепции.

К.Н. Любути:

М.Н. Руткевич — один из немногих людей, разделяющих прежние позиции. Он свободен от политической конъюнктуры, не «перевертыш», сохраняет верность собственным принципам и убеждениям.

Из письма М.Н. Руткевича К.Н. Любутину от 15 апреля 2002 г.:

«Моя монография «Социология образования и молодежи. 1965 — 2001», надеюсь, увидит свет в этом году и дойдет до прилавков екатеринбургских книжных магазинов. На вопрос о том, что в ней интереснее всего, отвечаю аксиоматически: начало и конец. Книга открывается моей вводной статьей в вышедшем в издательстве УрГУ в 1966 г. сборнике под ставшим поговоркой названием «Жизненные планы молодежи». Завершающая статья посвящена проблеме

формирования политического сознания выпускников средней школы, она написана на основе эмпирических исследований, проведенных во многих городах России. Каковы мои ближайшие планы? Работа над монографией, посвященной проблемам изучения социальной структуры общества, также начатая в Свердловске, в УрГУ — это главное. Но жизнь есть жизнь, автор не страдал и не страдает отсутствием интереса к новым явлениям в экономической и политической жизни страны, в науке и лженауке, которая чересчур распространилась в последнее время. Поэтому автор был бы рад, если бы читатели уважаемого издания познакомились бы со статьей «О неправомерности переноса естественнонаучных понятий на социологию» («Социс, 2002, □3) и двумя статьями, которые должны появиться в ближайшее время в центральных научных журналах: «О демографической катастрофе в России» («Свободная мысль — XXI») и «Философское значение концепции устойчивого развития» («Вопросы философии»). Последняя приурочена к важному международному событию — конференции «РИО + 10» в Йоханнесбурге, проводимой ООН при участии многих глав государств и правительств.

Бывший «глава Уральской философской школы», как иногда меня называли не в меру ретивые ученики, еще жив, мыслит и пытается внести посильный вклад в развитие отечественной философской и социологической мысли, в частности, в создание «Социологической энциклопедии».